

*Лазарева Елена Ивановна, Белгородский государственный университет,
доцент кафедры второго иностранного языка*

Прагматические функции пословиц в художественном дискурсе (на материале немецкоязычной художественной прозы)

В предлагаемой статье определяются прагматические функции пословиц современного немецкого языка в художественном тексте. Анализ и определение прагматических речевых функций немецких пословиц мы проводим на материале немецкоязычной художественной прозы XX в. Общее количество проанализированных контекстов составляет 190.

Актуальность темы статьи объясняется тем, в настоящее время интенсивное изучение пословиц осуществляется с позиций многих, смежных с лингвистикой научных дисциплин. Тенденции развития фразеологической науки, в том числе антропологический подход к языку, обращение к достижениям лингвистической прагматики, теории дискурса, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии — переносятся в сферу паремиологии — ветви фразеологии, которая успешно развивается как в России, так и за рубежом. Неослабевающий интерес лингвистов и паремиологов к клишированным языковым формам, в частности, к пословицам, закономерен. Одна из главных причин научной привлекательности этих образований видится в том, что они принадлежат одновременно языку и речи, то есть системе и тексту. С одной стороны, пословицы представляют собой вербальные образования, имеющие форму замкнутого предложения и обладающие автосемантичностью, то есть относительной коммуникативной автономией. Автосемантичность обуславливает функционирование пословицы как самостоятельного текста (высказывания), представляющего собой завершённый фрагмент общения, несущего когнитивную, информационную, психологическую и социальную нагрузку в акте коммуникации. С другой стороны, воспроизводимый характер пословиц и неупотребительность в отрыве от контекста сближают их с единицами языка.

В научных исследованиях последнего времени стали актуальными понятия „интертекстуальность” и „прецедентный текст”. Пословицы представляют собой прецедентные тексты, которые определяются как „тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности”¹. Таким образом, с одной стороны пословица выступает как самостоятельный текст, а с другой стороны, при включении её в другой текст, выступает как „текст в тексте”². Эта характерная особенность пословицы функционировать как текст в тексте определяется как интертекстуальность.

¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: 1987. С. 215.

² Чижиков А. Г. Текстологические характеристики нидерландских пословиц

Амбивалентный характер пословиц обуславливает их обширный функциональный арсенал и прагматическую нагрузку в контексте. Как прецедентные тексты пословицы обладают набором функций, которые характеризуются как базовые или первичные. Они в той или иной степени свойственны всем пословицам и мы подразделяем их на общеязыковые — к ним относятся номинативная и коммуникативная функции — и общепаремические: моделирующая, кумулятивная, директивная (предписывающая/регулятивная/поучительная), прогностическая, оценочная. Они служат основой для прагматических речевых установок коммуникантов и обуславливают реализацию богатейших коммуникативно-прагматических потенций полифункциональных пословиц как коммуникативных фразеологических единиц в конкретных актах коммуникации — различных типах текста, где актуализируются новые, дополнительные — «вторичные» функции определённого корпуса пословиц современного немецкого языка: экспрессивная, стилистическая и ряд других прагматических функций. Это явление функциональной переориентации пословиц („Umfunktionierung“ — термин В. Мидера)¹ в современном коммуникативном пространстве изучается сегодня на материале разных языков (В. Мидер, Х. Бургер, Х. Христова-Готтхардт, А. А. Константинова, Е. Д. Смирнова, Н. В. Назаров и др.).

Прагматика признаётся необходимым параметром любого текста. По определению И. Р. Гальперина, „сам процесс образования текста непосредственно связан с тем, что мы называем прагматикой, то есть конкретной установкой на читателя“². Текст не может не быть прагматически определённым, поскольку его производит человек, который не только вкладывает в него соответствующее содержание, но и выражает свое отношение к высказываемому. Именно прагматика занимается „выбором языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли ... или для наилучшего воздействия на слушающего или читающего с целью убедить его, или растрогать, или рассмешить“³.

Художественное произведение относится к художественной коммуникации и, наряду с чертами, присущими другим видам коммуникации, имеет ряд особенностей, свойственных только ему. Художественный текст антропоцентричен и полифункционален. И субъектом текста, и его объектом является человек, он всегда в центре художественного произведения с его внутренним миром, эмоциями и переживаниями. Вместе с тем, в художественном произведении изображается и окружающий человека мир: природа, мир вещей, сфера его общественной практики, события общественно-исторического плана, социально-идеологические и нравственно-философские проблемы. Однако, „главный акцент в художествен-

и поговорок: на материале нидерландской прозы и прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2006. С. 4.

¹ Mieder W. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung//Muttersprache, 1977.- Jg.88.- H.2-S.93-105. С. 99.

² Гальперин И. Р. Грамматические категории текста.- Известия СЛЯ АН СССР, 1977.- Т. 36.- № 6. С. 524.

³ Степанов Ю. С. В поисках прагматики.- ИАН. СЛЯ, 1981.- Т. 40. С. 325.

ном произведении делается не на событийность, а на психологический анализ, показывающий сложность человеческой души¹.

Художественное произведение включает в себя идейно-эмоциональное осмысление действительности художником. Авторское отношение к действительности воплощается через художественные образы, которые по своей природе всегда эмоционально окрашены. Образ автора художественного произведения является ведущим, именно он „скрепляет всё произведение, определяет функцию, место и роль каждого его компонента, и картина мира, моделируемая в художественном произведении, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание художника, творящего текст“².

Употребление языковых средств в художественном произведении в конечном итоге подчинено авторскому замыслу, содержанию произведения, созданию образа и воздействию через него на адресата. Писатель в своём произведении исходит прежде всего из того, чтобы верно передать мысль, чувство, правдиво раскрыть духовный мир героя, реалистически воссоздать язык и образ. Фразеологизмы являются элементами структуры художественного текста и его системы в силу присущих им языковых свойств, поскольку уже в самой фразеологической единице (к которым мы относим определённый корпус пословиц) заложена важная образная информация, что даёт ей возможность играть роль изобразительного средства. Художественная литература, являясь кладёзем народной мудрости, содержит в себе богатый паремиологический запас. Особая прагматическая направленность фразеологических единиц в свою очередь стимулируют писателей вводить в текст художественного произведения пословицы как «прагматически заряженные» единицы, необходимые не только для украшения речи, но также для более веского характера своих аргументов.

Прагматичность и полифункциональность пословицы проявляется в том, что она при каждом включении в текст выполняет одновременно целый комплекс функций. Анализ реализаций пословиц в художественном произведении показал, что в данном типе текста пословицы, как правило, дублируют некоторые из своих первичных текстовых функций. Так, *директивная функция* пословиц имплицитно реализуется, по сути, всегда при включении в контекст, поскольку её сущность состоит в данном случае в апеллировании к признанному авторитету, народной мудрости, что помогает данному контексту выполнить свою прагматическую установку. Однако, директивная функция может быть выраженной эксплицитно и быть доминирующей в тех случаях, когда и языковая единица и сам контекст представляют собой некое предписание или рекомендацию, как в следующем примере: „Der Hausknecht: *Trau, schau, wem, sage ich. In Zukunft sieh dir die Leute an, bevor du dich mit ihnen einldsst*“³. (рус.: „Слуга: *Доверяй, да знай, кому*. Впредь к людям приглядывайся, если хочешь с ними дело иметь“).

¹ Данилова Н. Н. Прагматические потенции единиц языка в тексте // Семантика, прагматика, текст. - М., 1987. - (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 290). С. 90.

² Тураева З. Я. Типология и вариативность художественного текста и его категорий // Коммуникативные единицы языка. - М., 1985. - (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 252). С. 101.

³ Brecht B. „Der Kaukasische Kreidekreis“.

Кроме этого, пословица введена в данном случае в реплику с целью подтверждения высказывания — *функция подтверждения мысли*, которая является одной из частных прагматических функций пословиц в речевом употреблении.

Пословицы представляют собой образец языковой экономии и часто способствуют компрессии передаваемой информации. Это возможно благодаря образному характеру пословиц, краткости формы и ёмкости содержания. Иногда пословица может быть единственным выразителем какого-то отрезка смысла в контексте, как в следующем примере: «Zielbewusst, stahlhart vor Entschlossenheit, entfernt er sich Schritt für Schritt von dem Punkte, auf dem der Schuss gefallen ist! Was dich nicht brennt, das blase nicht. Punktum. Amen.»¹ (рус.: „Уверенно, с железной решимостью, шаг за шагом удаляется он от места, где прозвучал выстрел! *Моя хата с краю — ничего не знаю. Точка. Аминь.*“). В данном контексте пословица *Was dich nicht brennt, das blase nicht* выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, *функцию компрессии информации* (пословица здесь — главный способ выражения смысла фрагмента текста), во-вторых, *директивную функцию* (эксплицитно она выражена глаголом побудительного наклонения в тексте самой пословицы, имплицитно даётся предписание: в этой ситуации лучше не соваться в чужие дела), в-третьих, пословица имплицитно выполняет *оценочную функцию* (даётся оценка характера персонажа, в данном случае отрицательная), тем самым становится очевидным отношение автора к данному персонажу — *экспрессивная функция*.

Моделирующая функция представляется доминирующей в следующем контексте: „Die Anwälte: ...Die Gegenpartei hat das Kind entführt und weigert sich es herauszugeben... Der erste Anwalt: Hoher Gerichtshof! Blut, heißt es im Volksmund, ist dicker als Wasser.“² (рус.: „Адвокаты: ...Противная сторона похитила ребёнка и отказывается вернуть его. ...Первый адвокат: Высокий суд! *Кровь*, как говорят в народе, *гуще воды*. Что может быть крепче кровных уз?“) Моделирующая функция — разновидность функции компрессии информации. Суть её заключается в том, что пословица даёт вербальную модель той или иной жизненной ситуации или того или иного типа отношений, при этом она не просто несёт какую-то информацию, но и воплощает её в наглядный образ.

В следующих контекстах пословицы *Je rauher die Schale, desto weicher der Kern/=Rauhe Schale, weicher Kern* (рус.: Груба кожура, да мягок плод) и *Es ist noch nicht aller Tage Abend* (рус. букв.: Не всё ещё потеряно/Не стоит падать духом) выполняют, как и многие другие пословицы, комплекс прагматических функций, но доминирующей в обоих случаях представляется *оценочная функция*. В первом примере даётся образная экспрессивная оценка персонажа: „Aber wie dem auch sei — Rammeler ist der Typ „*rauhe Schale, weicher Kern*.“³ (рус.: „Но как бы там ни было, о людях такого типа как Раммлер говорят: с виду груб, да душою мягок“); во втором примере с помощью пословицы комментируется и оценивается ситуация: „... Oh, Tony, Courage!“, sagte der Senator, und gerührt und ergriffen von ihrer Hilflosigkeit rückte er ihr nahe....“ *Noch ist nicht*

¹ Fallada H. „Wolf unter Wölfen“.

² Brecht B. „Der Kaukasische Kreidekreis.“

³ Kirst H. H. „08/15 heute“.

*aller Tage Abend. Noch ist er ja nicht verurteilt.*¹ (рус.: „О, Тони, больше мужества! — сказал сенатор, растроганный и потрясённый её беспомощностью. Он придвинулся поближе... — *Ещё ведь не всё кончено. Обвинительного приговора ещё нет.*“).

Для актуализации той или иной функции пословиц немаловажную роль играет тип включения этих единиц в текст, то есть та позиция, которую они занимают в структуре текста. Составляющие текст элементы неравноценны с точки зрения их прагматического воздействия. К прагматически релевантным относятся те элементы текста, которые занимают сильные или ключевые позиции. В стилистике декодирования сильные позиции рассматриваются как один из способов „выдвижения на первый план важнейших смыслов текста“². К сильным позициям относятся части текста, расположенные в наиболее благоприятных для восприятия позициях. Это, прежде всего, заголовок текста, зачин и заключение. В художественном произведении пословицы в основном включены в ткань текста и занимают позицию чаще всего в начале или конце высказываний, как в следующих примерах: 1) *„Beim Hobeln fliegen Späne“*, stellte der neue Schullehrer ... fest. *„Die Aufdeckung gewaltiger Missstände ließ auch unseren kleinen Kreis nicht unberührt“*³. (рус.: *„Лес рубят — щепки летят, — заметил новый учитель.... — Выявление огромных недочётов затронуло и наш маленький кружок.*“). 2) *„Man muss eben die Feste feiern, wie sie fallen, sagte er [Kerze] mit strahlender Laune. „Im Augenblick habe ich das Vergnügen, Sie, meine Liebe, endlich hier in meinem Hause zu empfangen. Und heute nachmittag schon findet eine Feierstunde in meiner Fabrik statt — man verleiht mir hohe Auszeichnung. Der Minister persönlich!“*⁴ (рус.: *„Как говорится, празднуй, когда пришёл праздник, — сказал он [Керце] сияя. — И вот я имею, наконец, удовольствие принять вас, моя дорогая, в своём доме. А сегодня днём на моей фабрике состоится торжественное собрание: мне будет вручена высокая награда. Это сделает сам министр*“.) В приведённых примерах пословицы *Beim Hobeln fliegen Späne* (рус.: *Лес рубят — щепки летят*) и *Man muss die Feste feiern, wie sie fallen* (рус.: *Празднуй, когда пришёл праздник*) выполняют в контексте антиципирующую функцию, занимая позицию в начале фрагмента текста. Они экспрессивно вводят читателя в контекст, где далее „расшифровывается“ их содержание. Вместе с тем, здесь актуализируется комментирующая функция пословиц: в одной вводной лаконичной фразе контекст обобщается, характеризуется и оценивается.

Занимая позицию в завершающем фрагменте высказывания, пословицы выполняют функцию резюме. В этой связи интересен, на наш взгляд, следующий пример: *„Den Auftrag hat ihm ein alter Kumpel beschafft. Das Geld für den Bruchkasten lieh ihm ein anderer. Und ein dritter, du ndmlich, liefert ihm Benzin zu Vorzugspreisen. So wdscht eine Freundeshand die andere.“*⁵ (рус.: *„Один старый дружок организовал ему заказ, другой*

¹ Mann Th. „Buddenbrooks“.

² Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста//Иностранные языки в школе.- 1978.- № 4. С. 24.

³ Seghers A. „Die Toten bleiben jung“.

⁴ Kirst H. H. „Kameraden“.

⁵ Ibidem.

дал займы денег — купить вот этот рыдван, а третий — это ты — снабжает его бензином по льготным ценам. Так что *рука руку моет*“). Пословица *Eine Hand wäscht die andere* (рус.: Рука руку моет) экспрессивно подводит итог предыдущему контексту, комментирует и характеризует его. Экспрессивность высказывания усиливается благодаря окказиональной структурно-семантической вариации компонентного состава пословицы путём присоединения к ключевому слову исходной единицы компонента, тематически связанного с общим содержанием контекста: Hand — *Freundeshand*. Окказиональная реализация пословицы в данном случае осуществляется с помощью стилистического приёма лексического наращивания. Вводимый компонент *Freund(es)* — употребляется в своём прямом лексическом значении и служит, по сути, выразителем основной идеи высказывания, что в свою очередь ведёт к созданию запланированного прагматического и юмористического эффекта.

По мнению А. В. Кунина, подобные „окказиональные изменения являются развитием стилистических потенций фразеологических единиц“¹. Окказиональную вариативность компонентного состава пословиц мы вслед за И. И. Чернышёвой, А. В. Куниным и другими лингвистами рассматриваем как прагматический феномен — средство воздействия на получателя информации, являющийся неотъемлемым свойством фразеологических единиц.

В заключение для иллюстрации окказионального прагматического структурно-семантического варьирования пословицы при включении в текст художественного произведения рассмотрим ещё один пример. „So ist das nun mal“ — sagte Tantau versonnen und schlug die Akten wieder zu. „Der sogenannte Volksmund ist oftmals purer Blödsinn. *Nur selten fallen Leute in jene Gruben, die sie für andere gaschaffelt haben.*“² (рус.: „Вот так, — сказал Тантау задумчиво и снова закрыл папку с делами. — Часто так называемая народная мудрость оказывается чистейшим вздором. Очень редко люди попадают в ту яму, которую роют другим“). В данном случае автор использует стилистический приём фразеологической конвергенции. Он заключается в „использовании двух или более элементарных стилистических приёмов преобразования фразеологизмов в микротексте, при котором невозможно выделить ведущий приём“.³ В рассматриваемом контексте совмещаются стилистический приём вклинивания дополнительных компонентов (*nur selten*), который состоит в обновлении и уточнении фразеологической единицы за счёт включения одного или нескольких компонентов с состав исходной единицы (Исходная единица: *Wer anderen eine Grube gräbt, fällt selbst hinein.* Рус.: Не рой другому яму, сам в неё попадёшь.) и приёма инверсии. Инверсия — это способ получения дополнительной экспрессии, сущность которого состоит в перестановке мест компонентов исходного фразеологизма, несущих главную смысловую нагрузку в зависимости от конкретных условий. Согласно результатам исследования феномена вариативности

¹ Кунин А. В. О нормативном стилистическом использовании фразеологических единиц. - М., 1973. - (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 73). С. 125.

² Kirst H. H. „Kameraden“.

³ Прокопьева С. М. Вариативность фразеологических единиц как прагматический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1980. С. 19.

фразеологизмов в современном немецком языке прием фразеологической конвергенции представляется самым эффективным в прагматическом плане¹.

Однако следует заметить, что при анализе прагматических функций пословиц в художественном дискурсе было установлено малое количество контекстов с подобным окказиональным варьированием состава пословиц. Так, из 190 контекстов только в 22-х встречаются пословицы в модифицированном виде. Это незначительный процент. В остальных случаях авторами используются не видоизменённые пословицы.

Итак, анализ функций определенного корпуса пословиц современного немецкого языка позволяет сделать вывод о полифункциональности пословиц в речевой коммуникации и выделить следующие прагматические функции данных единиц в тексте немецкоязычной художественной прозы: 1) директивная, 2) моделирующая, 3) функция компрессии информации, 4) оценочная, 5) комментирующая, 6) экспрессивная, которые мы можем охарактеризовать как общие, присущие пословицам при любой контекстной реализации. К частным, дополнительным функциям, вторичным относятся 1) функция подтверждения мысли, 2) антиципирующая, 3) резюмирующая, 4) стилистическая. Следовательно, можно констатировать, что в данном типе текста пословицы реализуются не только в своих первичных паремиологических функциях (хотя здесь именно они доминируют), но также выполняют и дополнительные — фразеологические функции, что сигнализирует об их богатых коммуникативно-прагматических потенциях и высокой речевой эффективности в современной коммуникации.

Далее анализ функций пословиц в художественном дискурсе свидетельствует о том, что подавляющее большинство изучаемых единиц имеют узуальную реализацию (168 из 190). Этот факт объясняется спецификой прагматической направленности данного типа текста и особенностями стиля автора.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. — 1978. — № 4. — С. 23–31.
2. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста. — Известия СЛЯ АН СССР, 1977. — Т. 36. — № 6. — С. 522–532.
3. Данилова Н. Н. Прагматические потенции единиц языка в тексте // Семантика, прагматика, текст. — М., 1987. — С. 90–98 (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореза; вып. 290).
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
5. Кунин А. В. О нормативном стилистическом использовании фразеологических единиц. — М., 1973. — С. 122–130 (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореза; вып. 73).
6. Прокопьева С. М. Вариативность фразеологических единиц как прагматический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980.
7. Степанов Ю. С. В поисках прагматики. — ИАН. СЛЯ. — т. 40, 1981.
8. Тураева З. Я. Типология и вариативность художественного текста и его категорий // Коммуникативные единицы языка. — М., 1985. — С. 96–106 (Тр./МГПИИЯ им. М. Тореза; вып. 252).

¹ Прокопьева С. М. Указ. соч. С. 20.

9. Чижиков А. Г. Текстологические характеристики нидерландских пословиц и поговорок: на материале нидерландской прозы и прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
10. Mieder W. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung//Muttersprache, 1977. — Jg. 88, — H.2. — S.93–105.

Первоисточники:

1. Brecht B. „Der Kaukasische Kreidekreis“.
2. Fallada H. „Wolf unter Wölfen“.
3. Kirst H. H. „Kameraden“.
4. Kirst H. H. „08/15 heute“.
5. Mann Th. „Buddenbrooks“.
6. Seghers A. „Die Toten bleiben jung“.